

Черты изъ жизни сибирскаго патріота.

Къ 80-лѣтнему юбилею Г. Н. Потанина.

21-го сентября с. г. вся Сибирь и культурная Россія праздновала 80-лѣтній юбилей со дня рожденія маститаго патріота нашей далекой окраины, Григорія Николаевича Потанина.

Это—праздникъ общесибирскій, такъ какъ самосознаніе нашей отдаленной области шло параллельно росту и духовному развитію цѣлой группы сибирскихъ патріотовъ, во главѣ которыхъ заслуженно стоитъ Г. Н. Потанинъ.

Ко дню юбилея много правдивыхъ строкъ будетъ посвящено обрисовкѣ дѣятельности этого преданнаго сына своей суровой родины. Здѣсь, въ небольшой статьѣ, я не беру на себя смѣлость дѣлать оцѣнку личности Г. Н.; моя задача скромнѣе: старинная дружба дала мнѣ возможность, хотя и на большихъ промежуткахъ времени, наблюдать Г. Н. въ разные моменты второй половины его жизни, а потому иѣкоторыя черты, наиболѣе яркія и цѣнныя для его характеристики, мнѣ хотѣлось бы оттъинить и обрисовать здѣсь. Стойкость и цѣльность его симпатій и взглядовъ, окрашенныхъ гуманнѣмъ настроеніемъ, всегда согрѣвали и освѣщали личность дорогого мнѣ земляка.

Въ іюнѣ минушаго 1914 г., направляясь въ Сибирь, я съ радостной готовностью приняла приглашеніе Г. Н. заѣхать повидаться съ нимъ. Онъ писалъ, что на лѣто съ женою поселится подъ Томскомъ, въ деревнѣ Пѣтуховой; это здоровое по природѣ, хвойное мѣстечко всегда переполнено дачниками.

Съ 1903 г. Г. Н. постояннѣмъ мѣстомъ жительства выбралъ г. Томскъ.

„Я еще въ студенческіе годы всегда мечталъ жить въ Сибири и хотя думалъ путешествовать, но уже изъ Сибири,—говоритъ онъ.— У насъ двѣ столицы, Томскъ въ Западной и Иркутскъ въ Восточной Сибири“.

Какъ литературному работнику, Г. Н. нуженъ большой городъ съ мѣстной прессой. Жить въ маленькомъ городкѣ и писать на разстояніи

много неудобствъ. Во-первыхъ, въ большомъ центрѣ виднѣе мѣстные вопросы, замѣтнѣе интересы переживаемаго момента; кромѣ того, гаетному сотруднику приходится имѣть дѣло съ провинціальной цензурой, и тутъ, на мѣстѣ, около редакціи небольшимъ измѣненіемъ статьи всегда легче устранить затрудненіе.

Съ 1903 г., когда мы въ послѣдній разъ видѣлись, я нашла Г. Н. очень постарѣвшимъ, согнувшимся. Особенно грустно, что почти совсѣмъ утратилось зрѣніе. Еще въ 1886 г., когда Г. Н. вернулся изъ трехлѣтняго путешествія по Китаю и весной слѣдующаго 1887 г. жилъ въ Петроградѣ, глазной докторъ запретилъ ему заниматься, и „я фланировалъ безъ дѣла“, шутить онъ. Правый глазъ такимъ образомъ уже давно почти совсѣмъ пересталъ видѣть и служилъ лишь лѣвый, который теперь тоже измѣнилъ. Онъ жалуется на поясницу, которая согнулась и болитъ, отчего походка стала неуверенной и нетвердой.

„Я привыкъ работать на ходу, а теперь поясница мѣшаетъ“, съ горечью говоритъ онъ.

Раньше даже и пространство комнаты стѣсняло его.

„Мнѣ нужна большая дистанція для ходьбы,—говаривалъ онъ,—и въ комнатѣ я закруживаюсь, а не ходить, когда обдумываю свою работу, не могу“.

И такъ и вижу Г. Н. „за работой на ходу“: заложивъ руки на спину и выбивая пальцами дробь, онъ шагаетъ по діагонали комнаты. Когда въ головѣ созрѣлъ весь текстъ работы, онъ садится за письменный столъ и почти безъ помарокъ пишетъ сразу набѣло своимъ точнымъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ, гдѣ простота выраженій сочетается съ искренностью настроенія. Потанинъ—прекрасный стилистъ, притомъ онъ любить употреблять своеобразныя мѣстные выраженія, которыми богатъ сибирскій говоръ.

— Вы стараетесь въ вашемъ лексиконѣ сохранить старыя сибирскія выраженія,—сказала я.

„Нѣтъ, я не стараюсь,—былъ отвѣтъ,—они сами какъ-то тамъ крѣпко сидятъ“.

Теперь, когда изъ-за слабости зрѣнія Г. Н. свои статьи приходится диктовать, онъ предварительно ихъ тщательно обдумываетъ, диктуетъ прямо набѣло только тогда, когда въ головѣ все уложилось въ стройную систему, какъ шрифтъ въ опытныхъ рукахъ наборщика.

„Спѣшу диктовать,—сказалъ онъ какъ-то во время работы,—чтобы не разсыналась изъ памяти“.

Сначала мнѣ стало грустно, что вижу своего стараго друга такимъ угасающимъ; но, къ счастью, я ошиблась: когда Г. Н. заговорилъ на свои любимыя темы—о Сибири, объ областничествѣ, о мѣстныхъ злобахъ дня, о сказкахъ и легендахъ сибирскихъ инородцевъ, онъ сталъ

прежнимъ, оживленнымъ, шутливымъ, пересыпая свою рѣчь блестящими милаго стараго юмора, хотя и не съ прежней искрометностью, а скорѣе, какъ бы съ отбѣнкомъ горечи. Особенно любить Г. П. и подолгу готовъ разсказывать инородческія сказки; тогда рѣчь его полна интонацій, онъ жестикулируетъ и передаетъ почти въ лицахъ, уснащая рѣчь особенностями сибирскаго говора.

Прежде его юморъ былъ неподражаемъ своимъ эпическимъ спокойствіемъ, и ничто, кромѣ живыхъ округленныхъ глазъ юмориста, острыхъ и шаловливыхъ, не выдавало его настроенія. Я помню, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, во время его разсказа слушатели заражались самымъ веселымъ настроеніемъ, между тѣмъ какъ разсказчикъ сохранялъ олимпійское спокойствіе. Однажды онъ разсказывалъ о своей попыткѣ приобщиться къ дарамъ музъ театра и поэзіи. Во время университетской исторіи 1861 г. студенты въ Петропавловской крѣпости затѣяли спектакль и рѣшили поставить шекспировскаго „Антонія и Клеопатру“ упрощеннымъ способомъ.

„Тутъ я въ первый разъ проявилъ свои сценическія способности. Меня заставили изображать бюстъ Сократа (роль безъ словъ). Выполнилъ я ее настолько удачно, что на слѣдующій разъ мнѣ дали повышение—заставили изображать статую Командора. Тутъ я уже долженъ былъ „играть“—кивалъ головой. Поэтому я тоже, вѣроятно, былъ, но стиховъ своихъ не помню, вотъ развѣ двѣ строки изъ поэмы „Осень“:

Неудовольствіе на лицахъ
И грязь на сапогахъ.

Вотъ и вся моя поэзія. Да, кажется, только эти двѣ строчки я и сумѣлъ сочинить.

Пѣтухово ему было не по душѣ. Страстный любитель мощной сибирской природы, онъ томился въ этомъ маленькомъ, затеряншемся въ хвойномъ лѣсу дачномъ мѣстечкѣ.

„Никогда я дачу не уважалъ,—сказалъ онъ какъ-то,—и не выѣзжалъ на нее, а теперь Марія Георгіевна (жена Г. П.) захотѣла, да и денегъ мало. Вотъ Алтай совсѣмъ другое“.

Г. П. горячо любитъ Алтай, гдѣ не разъ проводилъ лѣто въ живописно-романтической долинѣ рѣки Катуня съ ея утесами и скалами. И теперь его тянетъ туда.

„Хорошо тамъ,—говоритъ онъ,—чувствуешь кругомъ настоящую природу, прямо изъ воротъ въ лѣсъ, кругомъ видны горы. Пѣтъ, Пѣтуховымъ я не доволенъ. Чувствую себя здѣсь, какъ въ Свеаборгской крѣпости; мнѣ нуженъ кружокъ единомышленниковъ, а здѣсь, кромѣ дачниковъ; никого нѣтъ“.

Отсутствіе близкихъ по духу людей и слабость зрѣнія сильно тяготитъ Потанина, такъ страстно любящаго каждую травку, каждый цвѣтокъ. Не быть въ состояніи разсматривать ихъ и любоваться ими, какъ прежде, усугубляетъ его тоскливое настроеніе. Вотъ почему на прогулкахъ (большого труда всегда стоило убѣдить его пройтись по лѣсу) онъ дѣлался особенно грустенъ и молчаливъ, тѣмъ болѣе, что быстро утомлялся и зябко ежился отъ дуновенія небольшого вѣтерка. Самая незначительная помощь, оказанная посторонними, тяготила и какъ бы конфузила его, напоминая о старости.

„Какъ это плохо ничего не видѣть,—сказалъ онъ однажды съ грустью въ голосѣ.—Раньше если и не занимаешься растеніями, а все же хоть посмотришь на своихъ старыхъ знакомыхъ, а теперь сидишь среди нихъ и ничего не видишь“.

Особенная нѣжность и бережное отношеніе къ природѣ замѣтно у Г. П. во всемъ; для него растенія—это милыя живыя существа; онъ не позволяетъ и не любитъ безъ нужды рвать цвѣты.

„Зачѣмъ ты погубила цвѣтокъ!“—сказалъ однажды Г. П., недовольно морщась, когда во время прогулки его жена сорвала полевой цвѣтокъ, и, усиленно шуря зрячій глазъ, любовно стала его разсматривать, сясь опредѣлить классификацію растенія.

„Это асониум—волкобой“, обрадовался онъ.

Въ другой разъ, когда во время прогулки мы отдыхали на травѣ, жена Г. П. сорвала двѣ тоненькія травки и подала ему полюбоваться ихъ изяществомъ.

„Вотъ сорвали, завянутъ, погибнуть“, сказалъ Г. П., грустно-раздумчиво, какъ бы отвѣчая на свои скрытыя мысли.

„Ничего, новыя вырастутъ“, отвѣтила она, не подумавъ.

„Да-а“, сдавленнымъ голосомъ, какъ-то нервно дергаясь въ плечахъ, сказалъ Г. П.

Сидя близко, я наблюдала его, и мнѣ показалось, что, отвернувшись, онъ что-то смахнулъ подъ очками съ того и другого глаза и какъ-то поникъ.

Любовь къ природѣ и ко всему живому естественно переплетается у Потанина съ привязанностью къ жизни и къ людямъ, и, несмотря на грустныя нотки челоуѣка, берущаго отъ жизни уже послѣднія радости, душа его полна этими привязанностями.

„Вотъ у меня глаза не видятъ, плохо слышу, и поясница болитъ, а жить хочется. Можетъ быть, мнѣ и жить-то осталось всего какихъ-нибудь пять или десять лѣтъ; пожалуй, и конституціи-то настоящей не дождешься“, съ истиннымъ огорченіемъ заключилъ онъ.

Теорія охлажденія къ жизни, которую развивала Марія Георгіевна, совершенно чужда его душѣ. Онъ даже вспоминалъ, какъ у его первой

жены мать была такъ стара, что въ садъ ее выносили на рукахъ, а жить ей все еще хотѣлось.

Любовь къ людямъ, потребность ласки и личной привязанности всегда были присущи Г. П.—чу, особенно послѣ потери его первой жены, незабвенной Александры Викторовны.

„Я показываюсь людямъ всегда только одной своей стороною, а другую, мою личную, прячу отъ глазъ постороннихъ,—сказалъ онъ какъ-то давно, когда я застала его особенно грустнымъ, одинокаго въ своемъ кабинетѣ,—я, какъ луна, виденъ людямъ только своей частью, а мои переживанія въ затемненной сторонѣ“.

„Приятно человѣку, когда какое-нибудь живое существо къ нему тянется,—сказалъ Г. П. въ другой разъ.—Все человѣческое не должно быть чуждо человѣку“, любить вспоминать онъ слова А. В.—ны. На эту тему Потанинъ въ такой формѣ высказываетъ то незримое, интимное, что выкристаллизовалось въ его душѣ.

„Не надо бояться будничной, повседневной, такъ сказать, „болотной“ стороны жизни: она вѣдь вытекаетъ изъ насущной потребности природы человѣческой, а, пожалуй, и нужна намъ въ культурномъ отношеніи, такъ какъ помогаетъ, снисходя къ мелочамъ и слабостямъ человѣка, стать доступнѣе, мягче и гуманнѣе. Тѣ люди, которые отрицаютъ это, я думаю—неискренни. По поводу этой потребности человѣка къ болотной жизни мнѣ вспоминается,—продолжалъ Г. П.,—картина одного нѣмецкаго художника. Изображено болото, оно покрылось плѣсенью, обросло ряской; въ середину стоячей поверхности погружено сгнившее полубочье, треснувшее и разбухшее,—словомъ, полная картина разложенія. Казалось бы, все это у зрителя должно вызывать чувство отвращенія, а между тѣмъ—нѣтъ; отчего же такъ? А вотъ почему: черезъ эту картину гніенія и разложенія проходитъ яркій лучъ солнца; на пути онъ все оживилъ, все скрасилъ, все облагородилъ, и картина, какъ ни странно, вызываетъ радость жизни и наслажденіе ею. Такъ и въ повседневной жизни. Пусть есть будни,—вѣдь гдѣ жизнь, тамъ и гніеніе, но разъ сквозь эту будничную жизнь проходитъ лучъ солнца, отъ него все свѣтлѣетъ, все скрашивается. Вотъ эта-то радость жизни меня всегда охватываетъ при чтеніи мелкихъ рассказовъ Чехова. По той же причинѣ талантъ Сологуба и Л. Андреева чуждъ мнѣ, такъ какъ первый посылаетъ проклятія солнцу, а второй говоритъ: „Читатель хочетъ стать къ солнцу лицомъ, а я стою къ нему спиною“. Мы, сибиряки, солнцепоклонники, мы любимъ солнышко, даже дома свои „рѣшетимъ“ окнами, на фасадѣ: у насъ площадь оконъ часто больше площади стѣнъ“.

Въ Пѣтуховѣ я застала Потанина углубленнымъ въ свои литературныя воспоминанія, которыя онъ диктуетъ приходящей ежедневно утрами

часа на три барышнѣ. Эти интересныя воспоминанія съ начала 1913 г. стали печататься въ томской газетѣ *Сибирская Жизнь*; продолжались весь 1914 г. и, видимо, закончились въ текущемъ году, а скоро, кажется, не замедлятъ выйти отдѣльной книгой.

Онъ часто какъ бы обдумываетъ вслухъ свои фельетоны, ему видимо пріятно дѣлиться съ кѣмъ-нибудь изъ сочувствующихъ планами своихъ „Воспоминаній“. Когда начинаетъ говорить о прошломъ, о друзьяхъ единомышленникахъ и современникахъ (Ядринцевъ, Загоскинъ, Шашковъ, Астыревъ и др.), онъ оживляется.

„Теперь я живу въ прошломъ, — говоритъ онъ, — живу съ людьми 40-хъ годовъ“.

Г. Н. охотно слушаетъ „Письма о природѣ“ Герцена, біографію Л. П. Толстого, составленную Брюковымъ, и біографію Гёте, составленную Льюисомъ. Онъ любитъ цитировать своего любимаго поэта Гейне, любитъ Шиллера и Гёте; эпоха романтизма гармонируетъ съ его душой.

„Въ моей жизни недостаетъ искусства, — съ грустью говоритъ Г. Н. — У насъ нѣтъ ни Гёте, ни Шиллера, ни Гейне; намъ не хватаетъ театра и картинной галлерей, у насъ нѣтъ художника; вообще искусства мнѣ всегда не доставало“.

У Потанина на прошлое, давнопрошедшее поразительно ясная память. Имена и біографіи старыхъ знакомыхъ и общественныхъ дѣятелей, давно ушедшихъ изъ жизни, со всѣми подробностями и мелкими штрихами сидятъ въ его памяти.

„Сегодня у насъ пойдетъ медленно, — полусхута сказалъ онъ однажды передъ тѣмъ, какъ диктовать воспоминанія, — потому что сегодня больше разсужденій и нѣтъ казусовъ, а быстро идетъ описаніе разныхъ приѣздовъ, отъѣздовъ, побѣговъ и т. п.“.

Особенно поразительна специальная память Г. Н. въ любимой имъ области фольклора и этнографіи: легенды, сказки, преданія — одна изъ излюбленныхъ темъ Потанина. Одинъ разъ я выразила невольное удивленіе такой рѣдкой памяти, сохраняющей всѣ мельчайшія детали событій.

„Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — многое забылъ, если-бъ кое-что тогда записывалъ, то сохранилось бы“.

— Вы развѣ когда-нибудь записывали? — спрашиваю я.

„Нѣтъ, никогда и ничего. Вотъ Левъ Николаевичъ Толстой въ этомъ отношеніи удивительно не былъ лѣнивъ. У него все записывалось“.

— Да, говорю; вѣдь у него все время было въ его распоряженіи, всѣ 24 часа въ сутки.

„Пожалуй, что такъ, а намъ приходилось и корни копать, и бабочекъ насаживать; и жуковъ ловить, некогда объ этомъ было и думать“.

Погруженный всецѣло въ свои литературныя воспоминанія, на мой вопросъ: „пріятно ли ему писать ихъ?“ — Г. Н. отвѣтилъ къ моему удивленію:

„Нѣтъ, мнѣ тяжела эта работа: моторно (по-сибирски, нудно) вытягивать изъ себя все это далекое прошлое и раздражаетъ: хочется вернуть то старое время, когда и глаза видѣли зорко и въ поясищѣ не было этой гадости, а потому и писать тяжело“.

Однако чувствуется, что Г. Н. тянетъ къ этой работѣ, которая даетъ возможность какъ бы вновь пережить добрее старое время, въ которомъ человѣкъ на склонѣ лѣтъ находить иногда мучительное наслажденіе. Кромѣ того, а это можетъ быть главное, Потанинъ идейно смотритъ на свою работу: „Я пользуюсь своими „Воспоминаніями“, чтобы изложить свои идеи; я хочу „выгрузиться“ передъ смертью,—съ грустью прибавилъ онъ.—Публицистъ я плохой, и въ этой области могу высказывать, пожалуй, дѣтскія мысли, а въ моихъ „Воспоминаніяхъ“ меня никто не стѣснить, и на нихъ я смотрю, какъ на мѣсто, гдѣ могу высказывать свои взгляды на сибирскую областную жизнь. Вотъ почему я отклонилъ предложеніе В. И. Семевского печатать мои „Воспоминанія“ въ *Голосъ Минувшаго*. Тамъ передъ обще-російской аудиторіей я не могъ бы такъ свободно говорить, такъ какъ многое изъ сказаннаго мною было бы ей чуждо и неинтересно. Вѣдь каждая область имѣетъ нужды и интересы, присущіе только ей, а потому и моя аудиторія должна быть сибирской. Тутъ у меня и читателей больше, такъ какъ научный журналъ попадаетъ только въ руки избранной публики, а газету читаетъ всякій“.

Такимъ образомъ по принципиальнымъ соображеніямъ, несмотря на матеріальныя преимущества, Г. Н. отказался печатать свои „Воспоминанія“ въ толстомъ журналѣ и выбралъ скромную томскую газету *Сибирская Жизнь*.

Работаетъ онъ какъ-то возбужденно, точно торопится „выгрузиться“ передъ земляками. Однажды во время прогулки, Г. Н. сказалъ:

„Пойдемте домой, надо снѣшить, и такъ жить осталось мало, надо успѣть еще что-нибудь сдѣлать“.

Бесѣдуя по поводу мѣстныхъ вопросовъ, Потанинъ съ огорченіемъ говорилъ о слабости научныхъ интересовъ у томскаго общества. Намой вопросъ: „чѣмъ это можно объяснить?“—онъ глубоко задумался.

«Страна наша долго была въ забросѣ, это разъ, а кромѣ того у насъ нѣтъ своей мѣстной интеллигенціи, а страна по характеру жизни—демократическая, крѣпостного права не знала, дворянства, которое въ Россіи вліяло на культурный ростъ, у насъ не было; мужикъ сибирскій занять землей, а средній классъ въ просвѣщеніи слабъ. Вотъ даже въ Казани, гдѣ я пробылъ съ годъ въ началѣ 80-хъ годовъ, жизнь была живѣе“. Въ другой разъ на ту же тему онъ сказалъ: „У насъ въ Сибири въ настоящее время вышла какая-то „безплодная полоса“, нѣтъ людей, не давали развиваться силамъ; про Сибирь въ настоящую ми-

нута можно сказать словами Александра II при его вступленіи на престолъ: „Отець мой оставилъ Россію безъ людей“.»

Переходя къ вопросу о сибирскомъ патриотизмѣ, Г. Н. началъ какъ бы размышлять вслухъ:

„Кому мы, областные патриоты, служимъ, кого мы любимъ? Можетъ быть, наши кедровыя шишки или архіерея, или нашихъ мужиковъ, или сибирскіе пельмени? Нѣтъ, нашъ патриотизмъ есть чувство привязанности къ единомышленникамъ. Что же насъ къ этой любви обязываетъ? Почему чувствуешь какой-то *долгъ*? Помню,—продолжалъ онъ,—по этому поводу слова эмигранта Лаврова, съ которыми онъ обращался къ своимъ соотечественникамъ въ Парижѣ, желая вліять на нихъ: „Мы не должны забывать свою родину, мы должны служить ей“. Вотъ Шашковъ—тотъ, чуждый мѣстнаго патриотизма, спросилъ бы: „За что мнѣ любить именно свою страну? Чѣмъ я задолжался ей?—деньгами, бралъ общественный капиталъ!“ Вотъ и я самъ себя спрашиваю,—продолжалъ Г. Н.,—вѣдь тебя воспитали на казенный счетъ, кормили, одѣвали, учили, ты за это обязанъ своей странѣ, тогда можно возмѣстить этотъ долгъ деньгами и его не будетъ. Нѣтъ, какое-то внутреннее чувство подсказываетъ мнѣ, что это не такъ. Тутъ дѣло не въ матеріальномъ долгѣ, а въ нравственномъ. Какой-то инстинктъ, который сильнѣе меня, говоритъ, что объявлять себя должникомъ передъ родиною—стыдно. Но въ чемъ же дѣло? Отвѣтъ таковъ: въ этой странѣ есть люди, которые возлагаютъ на тебя надежды, какъ бы ждутъ твоей защиты; здѣсь мало людей, которые встали бы за обездоленное населеніе, и неужели же человекъ, на котораго возлагаются эти надежды, покажетъ только шишъ? Нѣтъ, общественныя симпатіи къ патриоту *обязываютъ* его служить интересамъ этого населенія. Часто патриотомъ дѣлается не рожденіе, а симпатіи,—заклучилъ Г. Н.—Только среди сибирскаго общества искренній патриотъ—рѣдкость,—съ горечью прибавилъ онъ,—а почему это такъ? Какое ложное представленіе создалось, что сибиряки—патриоты, это неосновательное обобщеніе; такихъ, какъ, напримѣръ, И. М. Сибиряковъ, пожертвовавшій капиталъ на сибирскій университетъ,—единицы. Вотъ буряты, киргизы и всѣ наши инородцы болѣе привязаны къ своей родинѣ и, уѣхавъ изъ Сибири, скучаютъ и стремятся назадъ“.

Да, въ наше время, когда къ идеѣ патриотизма прикасаются и грязныя руки своекорыстныхъ вождельнѣй, люди, подобные Потанину, являются немногими изъ тѣхъ праведниковъ, благодаря которымъ, по словамъ Библии, будетъ помилованъ цѣлый городъ. И цѣнно то, что всю свою жизнь онъ остался вѣренъ идеаламъ молодости. Въ одной изъ главъ своихъ „Воспоминаній“ ¹⁾ онъ лепчетъ мечту о будущей Россіи,

¹⁾ См. *Сибирскую Жизнь*, 1913 г., № 248.

состоящей из множества небольших округленных территорий... и въ каждой такой территоріи—своей патріотъ, защитникъ мѣстныхъ интересовъ, своей „застоя“¹⁾ за интересы мѣстнаго населенія.

Мое пребываніе у Г. Н. было сокращено еще совмѣстнымъ чтеніемъ старыхъ писемъ къ нему П. М. Ядринцева отъ 1871—72 гг. Оба друга въ тѣ годы, обвиненные за идеи сибирскаго сепаратизма, находились въ ссылкѣ, Потанинъ въ Никольскѣ, Вологодской губерніи, а Ядринцевъ въ Шенкурскѣ, Архангельской губерніи. Переписка велась горячо и дѣятельно, и у словоохотливаго Николая Михайловича, публициста по натурѣ, письма къ другу нерѣдко разрастались, по его собственному выраженію, въ цѣлыя „журнальныя обзорнія“, трактующія вопросы о національной идеѣ, о мѣстномъ патріотизмѣ и др. Въ нихъ Ядринцевъ попутно сообщалъ другу интересныя литературныя новости.

„Въ Никольскѣ въ то время библиотеки не было, и я жилъ совсѣмъ безъ газетъ,—говорить Г. Н.,—такъ какъ выписывать былъ не въ состояніи“.

Когда я читала эти письма, то Г. Н. часами не уставалъ слушать ихъ и съ напряженнымъ вниманіемъ ловилъ каждое слово.²⁾

„Несмотря на то, что въ свое время письма Ядринцева были мною читаны, сейчасъ я ихъ слушаю, какъ новыя, и самая интересная часть та, гдѣ онъ описываетъ свои переживанія. На меня эти письма дѣйствуютъ, какъ „молодильныя яблоки,—улыбается Г. Н.—Чувствуешь,

1) Это нашъ „застоя“, говорили простые уральскіе казаки про одного общественнаго дѣятеля, Желѣзнова, который и въ печати и въ жизни защищалъ ихъ права, какъ сообщаетъ Г. Н. въ своихъ воспоминаніяхъ. „Вотъ такимъ же „застоей“ предстояло сдѣлаться и мнѣ“,—не безъ гордости вспоминаетъ онъ свою прежнюю дѣятельность въ молодые годы въ Сибири. Позднѣе Потанинъ и Ядринцевъ стали горячими застоями обездоленныхъ пасынковъ нашей далекой родины, сибирскихъ инородцевъ. Въ послѣдніе годы, живя въ Западной Сибири и соприкасаясь со средою киргизовъ, Г. Н. занимается собираніемъ и изложеніемъ киргизскихъ сказокъ и попутно изучаетъ бытъ киргизовъ, которые, по его мнѣнію, въ культурномъ отношеніи имѣютъ большое будущее; они очень стремятся учиться, дѣвочки и мальчики охотно идутъ въ школу, иногда даже вопреки желанію родителей. Ихъ народныя пѣвцы—„удянчи“—обнаруживаютъ большія музыкальныя способности; среди нихъ много импровизаторовъ и композиторовъ. Отчетъ о своей поѣздкѣ лѣтомъ 1913 года въ урочище рѣки Былкъдакъ Г. Н. читалъ въ омскомъ отдѣлѣ географическаго общества и подалъ мысль учредить при отдѣлѣ особую комиссію для изученія и собиранія киргизскихъ сказокъ и пословицъ. Отчетъ этотъ былъ напечатанъ въ газетѣ *Ка-акъ*, издаваемой въ Оренбургѣ. „Теперь меня знаютъ среди киргизъ“, улыбается Г. Н. Онъ съ одушевленіемъ мечтаетъ въ ближайшемъ будущемъ, съ цѣлью „шевелить оірентальный вопросъ“, устроить киргизскій праздникъ, на которомъ будутъ выступать и представители изъ киргизской интеллигенціи и импровизаторы удянчи со своими національными пѣснями.

2) Къ сожалѣнію, отвѣтныя письма Потанина къ своему другу не сохранились: самъ Ядринцевъ, по словамъ Г. Н., ихъ уничтожилъ, боясь обыска: „Конспираторъ былъ“, горько улыбаясь, замѣтилъ Г. Н.

что человекъ живетъ всѣми силами души, и не своими личными, а высокими умственными интересами, проникаясь заботами о своей странѣ“.

Дѣйствительно, письма эти при чтеніи заражаютъ высотой своего настроенія, такъ какъ писалъ ихъ человекъ съ общественнымъ огнемъ.

„Мнѣ онъ особенно нравится въ этихъ письмахъ,—говоритъ Потанинъ,—а въ другихъ позднѣйшихъ, вѣроятно, онъ менѣе интересенъ“.

Ядринцевъ былъ врожденный публицистъ и, по удачному опредѣленію Г. Н., имѣлъ „огромный публицистическій нюхъ“; онъ чутко понималъ, умѣло ставилъ и широко трактовалъ многіе общественные вопросы, особенно областные и провинціальныя, несмотря на то, что не былъ достаточно подготовленъ къ публицистикѣ и образованія законченнаго не получилъ.¹⁾

„Ему не хватало образованія, — говоритъ Потанинъ, но Ядринцевъ былъ публицистомъ по инстинкту, по выраженію Г. Н. „на улицѣ набирался темъ“ и пониманія, за которыя изъ нихъ слѣдуетъ взяться въ данный моментъ, что еще болѣе дѣлаетъ цѣннымъ такое стихійное дарованіе“.

Потанинъ вспоминаетъ ихъ общіе студенческіе годы.

„Университетомъ для Ядринцева была жизнь въ обществѣ. Самъ я въ тѣ годы въ публицистикѣ мало участвовалъ, а читалъ о жукахъ, какъ они зимуютъ и пр. Онъ же въ это время всюду совался, бѣгалъ по кружкамъ, по публичнымъ лекціямъ, по редакціямъ, участвовалъ въ манифестаціяхъ и т. д.

Потанинъ чутко прислушивался къ его духовному развитію и радовался его успѣхамъ, какъ своимъ. Дарованіе и личность Ядринцева особенно выросла и окрѣпла въ ссылкѣ: „Шенкурскъ былъ для него настоящимъ университетомъ“, по счастливому выраженію Г. Н. Тутъ онъ былъ окруженъ образованными людьми, товарищами по ссылкѣ: Шашковымъ, Христофоровымъ, Соколовымъ. Онъ много читалъ, диспутировалъ, намѣчалъ программу журнальныхъ статей, такъ какъ тогда онъ уже „опредѣленно выступилъ на литературное поприще и работалъ въ *Даль*, въ *Азіатскомъ Вѣстникѣ* и др.“. Самъ Ядринцевъ серьезно смотрѣлъ на свое призваніе, много читалъ и вдумчиво штудировалъ европейскіхъ мыслителей и экономистовъ; имена К. Маркса, Лассаля, Мальтуса, Шульце-Делича, Пьеръ-Жака постоянно встрѣчаются въ его письмахъ; въ нихъ онъ нерѣдко пускается въ разборъ и критику статей по крестьянскому колонизаціонному и инородческому вопросамъ, и недаромъ его обширныя письма-трактаты сибирякъ Нестеровъ шутя называлъ „томиками“.

Но все же духовный ростъ Ядринцева совершался, главнымъ обра-

¹⁾ Въ университетъ ходилъ только 1 годъ.

зомъ, подъ вліяніемъ Потанина, котораго самъ Н. М. справедливо называлъ своимъ учителемъ и другомъ, и, несомнѣнно, Г. Н. мы обязаны тѣмъ, что Ядринцевъ сталъ „руководителемъ общественнаго мнѣнія цѣлой страны“ по опредѣленію Потанина.

— Если бы не ваше вліяніе,—сказала я ему однажды въ разговорѣ,—то Сибирь не имѣла бы въ Ядринцевѣ того страстнаго патріота, какимъ онъ сталъ, да пожалуй безъ васъ и не было бы у насъ сибирскаго патріотизма.

„Ну вотъ,—возразилъ Г. Н.,—вѣдь если бы Дарвина не было, то ужъ навѣрное дарвинизмъ, какъ направленіе, былъ бы“.

Характеризуя своего друга, Потанинъ въ то же время обнаруживаетъ и свои личные вкусы и симпатіи.

„Ядринцевъ,—говоритъ онъ,—настолько же былъ общественнымъ дѣятелемъ, насколько и публицистомъ, и письменный столъ ему былъ такъ же нуженъ, какъ и трибуна“.

Особенно дорога ему способность Н. М. отзываться на всю симфонию жизни:

„Когда Ядринцевъ пишетъ, то чувствуешь, что онъ самъ наслаждается жизнью, и въ душѣ у него есть отзвуки на всякое ея проявленіе, на каждую картину природы“.

Самъ Ядринцевъ въ письмѣ къ другу отъ 22 октября 72 года говоритъ, что „патріотизмъ, какъ „молодое вино“, долженъ... бить ключомъ и шипѣть, какъ признакъ юности, свѣжихъ силъ и молодыхъ гордыхъ надеждъ“.

Любуясь и гордясь выпуклой фигурой своего друга, Г. Н. говоритъ: „По своимъ письмамъ Ядринцевъ рисуется передъ глазами читателя молодымъ, неопытнымъ, съ большимъ самомиѣніемъ патріотомъ, а въ нашемъ сибирскомъ обществѣ это такая рѣдкость“...

Проводя параллель между своимъ земляками и современниками, Шашковымъ, Астыревымъ и Ядринцевымъ, Г. Н. опредѣляетъ такъ:

„Сердце Астырева и сердце Шашкова были сотканы на одинъ манеръ, у Ядринцева же другой шовъ, другая манера тканья. Между Шашковымъ и Ядринцевымъ—поразительная разница. У перваго логика была изумительная, своего противника онъ безпощадно прижималъ къ стѣнѣ, онъ массу читалъ, имѣлъ огромную трудоспособность, массу писалъ и брался за общіе публицистическіе вопросы. Ядринцевъ же въ общую публицистику никогда не вмѣшивался, а ограничивался одной своей областью. Однако всѣ статьи Шашкова—шаблонъ, онъ не писалъ кровью и сокомъ нервовъ, хотя и гиѣвался, но не гиѣвомъ сердца, а головой. У Ядринцева же какъ разъ все наоборотъ, и всѣ его статьи съ областническими тенденціями слѣдовало бы напечатать осо-

бымъ сборникомъ, чтобы онѣ, какъ Евангеліе, лежали на столѣ у каждаго сибиряка, любящаго свою родину“.

„Да, съ Ядринцевымъ надо было быть мягче и многое ему прощать, я теперь себя обвиняю во многомъ“... грустно кончилъ Г. П., углубляясь въ воспоминанія.

Слушая письма Ядринцева, Г. П. сталъ мечтать увидѣть ихъ напечатанными отдѣльнымъ сборникомъ.

„Я думаю,—говорилъ онъ,—что эта книга должна имѣть возбуждающее вліяніе на областныя чувства сибиряковъ. Кроме того, письма эти характеризуютъ жизнь нашей группы и наши умственные интересы“.

Развивая свой планъ изданія писемъ Ядринцева при содѣйствіи состоятельныхъ сибиряковъ, Потанинъ того мнѣнія, что издать ихъ непременно слѣдуетъ отдѣльнымъ сборникомъ, и только тогда можно разсчитывать, что они попадутъ въ руки тѣхъ, у кого имъ надлежитъ быть.

Обрисовывая отдѣльныя черты въ характерѣ Г. П., я невольно углубилась во взаимоотношенія двухъ нашихъ крупныхъ сибирскихъ дѣятелей—Потанина и Ядринцева—и понутно дала отдѣльные штрихи, дополняющіе личность послѣдняго. Это вышло естественно, иначе и быть не могло,—недаромъ въ молодые годы про нихъ друзья шутили, что „трудно опредѣлить, гдѣ кончается Потанинъ и гдѣ начинается Ядринцевъ“. Дѣйствительно, въ исторіи самосознанія Сибири они неотдѣльны, такъ какъ, по замѣчанію Г. П., „вели одну линію въ жизни“, служили однимъ и тѣмъ же богамъ, и оба были идеологами сибирскаго патриотизма.

Т. Фарафонтова.